

УДК 930.85

*В. В. Пономарева**V. V. Ponomareva***«МЕЩАНКИ» СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА: 1765 — 1800****“PETTY BOURGEOIS” OF THE SMOLNY INSTITUTE:
1765 — 1800**

Ключевые слова: Российская империя, эпоха Просвещения, женское образование, закрытые женские институты, Смольный институт.

В статье на широком круге источников, как опубликованных, так и архивных, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается начальный период истории «неблагородной» половины Смольного института — Мещанского училища, анализируются социальный и возрастной состав воспитанниц, учебная программа, данные о дальнейшей педагогической деятельности выпускниц, приводятся свидетельства о формировании особой культурной среды вокруг Смольного института.

Key words: the Russian Empire, Age of Enlightenment, women's education, boarding schools for girls, the Smolny Institute.

The initial period of the history of the “ignoble” half of the Smolny Institute — the Petty-Bourgeois College is considered in the article on a wide range of sources, both published and archival, introduced into scientific circulation for the first time. It analyzes the social and age structure of the pupils, the curriculum, data on the further pedagogical activity of graduates. Evidences of the formation of a special cultural environment around the Smolny Institute are provided as well.

Начало системе женского образования в России было положено в 1764 г., когда в Петербурге было учреждено Воспитательное общество благородных девиц. Образовательная реформа императрицы Екатерины II ставила целью посредством «нового воспитания» в учебных заведениях, основанных на принципах Просвещения, передавать «прямые и основательные воспитания правила... своим детям, и так следуя из родов в роды в будущие веки», дабы «прямые правила воспитания непрерывным порядком в потомство переходить могли»¹.

Таким образом, важнейшая роль в воспитании человека новой русской светской культуры отводилась образованной женщине — матери, воспитательнице, учительнице. Екатерина II и ее сподвижник И. И. Бецкой распространяли свои планы не только на «благородное» сословие: в просветительскую программу, принятую на вооружение, должны были вовлекаться все неподатные сословия. Провозглашалось, что «для пользы общества не меньше требуется, чтоб всякого чина и женский пол воспитан был в добронравии и в приличных состоянию его знаниях и рукоделиях». Спустя год при Обществе было открыто Мещанское училище, куда принимались дочери лиц «низших сословий»². Воспитательное общество благородных девиц и Мещанское училище долгое время составляли административно единое целое, известное под наименованием Смольного института (по своему местоположению — при Новодевичьем Воскресенском Смольном монастыре), при этом различаясь по социальному составу учащихся, финансированию и учебной программе. Воспитанницы обеих частей Смольного именовались смолянками.

Истории Воспитательного общества благородных девиц уделялось немалое внимание как в дореволюционной, так и в современной историографии³. В то же время Мещанское училище традиционно вызывало меньший интерес у исследователей. Более того, в некоторых современных работах Смольный институт выступает синонимом Воспитательного общества⁴, в других утверждается, что институты предназначались исключительно высшему сословию⁵, на что указывает и общеупотребительное не только в беллетристике, но и в научной литературе ошибочное наименование женских институтов «институтами благородных девиц»⁶.

На недостаточную изученность «мещанской» половины Смольного института обращал внимание еще Е. С. Шумигорский⁷. По крайней мере для раннего времени тому существовала объективная причина. Как утверждает в фундаментальном труде Е. О. Лихачева, о мещанских воспитанницах «вообще очень мало сведений в протоколах Общества», и остается неизвестным «ничего о том, как их воспитывали и чему учили»⁸. Действительно, сведений о Мещанском училище XVIII в. сохранилось сравнительно немного.

Известно, что комплектование мещанской половины Смольного, происходившее спустя год после начала деятельности «благородной» его половины, велось более успешно. Первый набор, согласно Уставу, должен был составить 60 девиц, и уже спустя две недели после его утверждения все вакансии были заняты⁹. В Мещанское училище допускались девочки, одинаковые «состоянием своим с воспитываемыми при Академии художеств мальчиками»¹⁰, т. е. дети «какого б звания ни были, исключая одних крепостных, не имеющих от господ увольнения»¹¹.

Подобно «благородным» девицам Воспитательного общества, воспитанницы Мещанского училища разделялись на четыре возраста, или четыре трехгодичных класса, и их обучение продолжалось, как и в «благородной» половине, 12 лет. Прием и выпуск происходили раз в три года, одновременно с приемами и выпусками в Воспитательном обществе, кроме первого приема, состоявшегося в 1765 г.

Содержание учебных программ Мещанского училища по сравнению с Воспитательным обществом было сокращено¹². В I возрасте (6 — 9 лет) преподавались Закон Божий, российский и иностранный языки, рисование, арифметика, «танцевание», «надлежащие особливо женскому полу упражнения и рукоделия», а также «все правила воспитания, благонравия, обхождения и чистоты». Кроме того, рекомендовалось при «рассмотрении природного дарования и склонности каждой, приучать их к голосной и инструментальной музыке». Во II (9 — 12 лет) и III (12 — 15 лет) возрастах изучение тех же предметов, что преподавались прежде, продолжалось. Программа по «домостроительству» в мещанском отделении была более пространной: девочки учились «шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять». В ходе учения предписывалось присматриваться к каждой из девиц, наблюдая их «природные склонности». В IV (15 — 18 лет) возрасте, продолжая «все прежнее», следовало «упражнять каждую в том искусстве, художестве или знании, к которому оказала она наибольшую способность». Не отличавшихся способностями рекомендовалось «употреблять в действительные работы для совершенной выучки»¹³. Окончившим курс учения выдавались аттестаты, которые свидетельствовали о «честных их поведеньях и знаниях».

Понятно, что содержание воспитанниц в обеих половинах Смольного института — *девиц* Воспитательного общества и *девушек* Мещанского училища — было различным. Как замечает И. Г. Георги в очерке Петербурга, Мещанское училище было «расположено точно на таком же основании, как и учреждение для благородных девиц, однако же пища и платье их немного проще»¹⁴. Действительно, согласно «Штату о содержании» воспитанниц в Смольном институте, на воспитанниц I возраста в «благородном» отделении расходовалось 7 000 руб., на мещанок — 3 000 руб., II возраста — 8 500 и 3 000 руб., III возраста — 12 500 и 3 600 руб., IV возраста — 13 500 и 4 320 руб. соответственно. В год содержание 200 благородных девиц обходилось в 41 500 руб., мещанских — 13 920¹⁵.

В 1790-е гг. на содержание одной «мещанской девушки» III возраста в год издерживалось 120 руб. 95 коп., из них на одежду, белье и обед — по 20 руб., свечи — 2 руб. 36 коп., дрова — 16 руб., «прачешную» — 8 руб., аптеку — 4 руб. 20 коп., классные принадлежности — 2 руб. 45 коп., постели — 3 руб.¹⁶ За поступавших сверх комплекта в Мещанское училище благотворителями вносилось по 120 руб. в год (на «благородной» половине — 198 руб.). В то же время классные дамы получали жалованье в 186 руб. и «на стол» по 35 коп. в день¹⁷. Для сравнения заметим, что тогда же годовой оклад прапорщика составлял 205 руб., поручика — 246, полковника — 923 руб.¹⁸ Таким образом, можно утверждать, что воспитанниц на мещанской половине содержали, хоть и скромнее, чем «благородных», но в достатке.

Кроме того, и внимание, которое уделяла «благородному» и мещанскому отделениям императрица Екатерина II и ее двор, было также неодинаковым. Так, камер-фурьерские журналы сообщают о высочайших визитах в Смольный институт, и чаще всего речь идет о посещении именно «благородной половины»: императрица прибывает «смотреть малолетних дворянских девиц», «смотреть обучающихся благородных девиц разному художеству», иногда — навестить «обучающихся малолетних детей». Встречаются, впрочем, и упоминания о внимании императрицы к воспитанницам мещанской половины. Так, в мае 1770 г. Екатерина II отправляется в Девичий монастырь «смотреть воспитывающихся дворянских и мещанских малолетних девиц, которые в высочайшем присутствии при музыке танцовали»¹⁹, державные гости посещают монастырь в ноябре 1771 г., где они наблюдают, как «малолетние учащиеся благородного воспитания и мещанские девицы» «несколько времени танцовали минуеты»²⁰, а в 1772 г. в феврале перед двором «представлена была мещанскими малолетними девицами на французском диалекте комедия с балетом»²¹.

Власть с основания Мещанского училища позаботилась об обеспечении взрослой жизни будущих выпускниц: было предписано выделять «для каждой по 50 рублей, и оную сумму отдавать в Банк для приращения во все время пребывания их в училище», распределяя затем при выпуске «всем по равной части»²². Все сработанное воспитанницами за время пребывания в училище рукоделие следовало продавать и также обращать в пользу институток. В Положении о Мещанском училище немало строк было посвящено будущему обучавшихся там девушек, причем прочерчивалось несколько сценариев их будущей жизни: замужество с достойными «по их состоянию женихов», служба «с договором и зарплатою» в Воспитательном обществе, возможность остаться на три года в своем училище с

предоставлением им только «покоя, дров и свеч» «для отвращения праздности», получать «прибыль от продажи собственных их трудов», а по истечении трех лет, по достижении ими 21 года, выходить из заведения с аттестатом «о честных их поведеньях и знаниях», причем отмечалось, что и «будучи же на воле, в каковых-либо обидах, всегда под опекою Совета Попечителей благородных девиц состоять имеют»²³. Кроме того, согласно полученной привилегии, при вступлении в брак с воспитанницей Мещанского института, дворовый человек освобождался от крепостной зависимости²⁴.

В фонде Смольного института хранится дело о приеме воспитанниц в 1785 г.²⁵, в том числе общий список принятых в Мещанское училище от 13 сентября 1785 г. (Л. 7 — 10 об.) и «объявления» (прошения) о приеме девочек от их родителей или опекунов (Л. 167 — 259). В «объявлениях» содержатся (пусть и краткие) данные о службе отцов, о крещении девочек и их воспитанниках, о прививке оспы. Список насчитывает 72 имени, против четырех из них стоит пометка «не принята». Таким образом, фактически число воспитанниц превышало установленный комплект (также, как и на «благородной» половине Смольного института).

Как отмечает Е. О. Лихачева, второй набор в Мещанское училище, в отличие от первого, шел довольно «туго»²⁶, что, очевидно, было связано с попыткой набрать воспитанниц из Москвы. Однако в наборе 1785 г., судя по поданным «объявлениям», большинство будущих воспитанниц составляли жительницы Петербурга и Петербургской губернии. Проезд из Москвы в Петербург был делом долгим и дорогим; кроме того, надо полагать, для петербуржцев (особенно, конечно, для придворных служителей) новое женское учебное заведение не было туманной непонятной абстракцией.

Возраст поступивших был таков: 1 девочка — 4 лет, 2 — 5, 23 — 6, 28 — 7, 11 — 8, 3 — 9 лет. При том что подавляющее большинство составляли девочки 6 — 7 лет, в нарушение правил принимались дети как более младшего, так и более старшего возраста. В начальный период существования Смольного института подобные отклонения от правил встречались постоянно. Так, вопреки требованию Екатерины II принимать лишь одну из двух сестер²⁷, в Мещанское училище в 1785 г. поместили 11 пар родных сестер. 13 девочек из принятых, по всей видимости, являлись круглыми сиротами, в училище их помещали родственники или опекуны, у 19 умерли отцы, и «объявления» составлены от имени матерей.

В стенах училища умерло семь воспитанниц этого приема, причем две — в первый год (1785), три — на следующий (1786), две — в 1787 и 1790 гг. В тот же период в «благородном» отделении Смольного из 73 девиц, принятых в 1785 г., умерла одна девочка (год неизв.). Такая значительная разница показателей смертности в двух отделениях, «мещанском» и «благородном», может быть вызвана разными причинами: как несколько лучшими условиями содержания в привилегированном Воспитательном обществе, так и изначально более крепким состоянием здоровья «благородных» воспитанниц.

Среди помещавших детей в училище родителей и опекунов заметный процент составляют те, кто не смог даже подписать свое имя на подаваемом в Совет Воспитательного общества документе — 15 человек, причем двое из них мужчины (солдат и цирюльник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса).

Данные об отцах воспитанниц, содержащиеся в «объявлениях», сгруппируем по следующим социальным группам: духовенство — 2 (диакон и священник); чиновники, мелкие канцелярские служащие — 17 (регистраторы, коллежские регистраторы, канцеляристы, подканцелярист, копиист, протоколист и пр.); военные чины, преимущественно нижние — 21 (гренадер, солдат, фурьер, магазин вахтеры, квартирмейстер, сержанты, прапорщик, ротмистр, поручики, капитан, секунд-майор); служащие при дворе — 6 (истопник, повар, лакеи и др.), люди свободных профессий, мастера — 9 (актер, художник, архитектурный помощник, мастер оптики и метеорологических инструментов Академии наук, лекарский ученик, мастер сапожного дела, мастер басонных дел, цирюльник и др.).

Таким образом, большинство родителей, помещавших в Мещанское училище дочерей, составляла каста служащих, прежде всего, низших чиновников, военных и гражданских. Среди лиц свободных профессий встречаем имя художника и скульптора И. Е. Терebeneва (1759 — 1805), отца известного художника Ивана Терebeneва, чьи сатирические графические листы с эпизодами Отечественной войны 1812 г. приобрели огромную популярность. И. Е. Терebeneв отдал сыновей Ивана, Михаила и Владимира на обучение в Академию художеств, а также, как теперь выясняется из архивного дела, поместил старшего ребенка в семье, дочь Александру (1779 г. р.) — в Смольный институт. Как уже говорилось выше, в соответствии с учредительным документом, Мещанское училище и Академия художеств комплектовались воспитанниками из одних и тех же сословий, а их выпускникам предоставлялись одинаковые права. Отдавая детей в данные учебные заведения, отец пользовался правом, предоставленным его социальному слою, при этом желание дать образование не только сыновьям, но и дочери, являлось знаковым событием, свойственным эпохе Просвещения.

В отдельную группу выделим вчерашних крепостных, дети которых были приняты в Смольный институт. Свою дочь в институт направляет вдова «бывшего дворового человека действительной статской советницы М. И. Закревской» (Л. 173), другое «объявление» составлено от имени Е. П. Барятинской (ур. принцессы Голштин-Бек), которая сама помещает на учение только что отпущенную ею «вечно на волю крепостную девушку» (Л. 230). К «объявлениям» приложены отпускные свидетельства. Особый интерес, на наш взгляд, представляет третий случай. Это «объявления» от имени «отпущенного вечно на волю Якова Иванова сына Лобанова», помещающего в училище дочерей Анну и Марию, к которым сам «вольный человек... руку приложил» (Л. 176, 178). Развернутая подпись доказывает грамотность вчерашнего крепостного. Копия отпускной записи заверена бывшим владельцем — А. Б. де Бальменом, директором Сухопутного шляхетного корпуса, а воспитанниками при крещении девочек стали сам Бальмен и «майорша» Д. А. Услар (Л. 177, 178 об.), жена барона К. Л. Услара, офицера Шляхетного корпуса. Примечательно, что одновременно с бывшими крепостными Анной и Марией Лобановыми в тот же Смольный, но на «благородную» его половину помещены дочери воспитанников Елизавета Услар (Узлер) и София де Бальмен (вып. 1797 г.), впоследствии там же учились их младшие сестры Мария Услар и Дарья де Бальмен (вып. 1803 г.), а еще позже — внучка де Бальмена Ю. М. Козловская (вып. 1833 г.).

Информация свидетельств о крещении дает представление о связях, вертикальных и горизонтальных, соединявших сообщество людей, имевших прямое или

косвенное отношение к Смольному институту. Низшие придворные служители имели возможность соприкоснуться с знатью, что могло приводить к примечательным следствиям. Придворный лакей В. Павшинцов помещает в Смольный институт свою дочь, чьей крестной являлась Е. Олсуфьева, а свидетелем — ее супруг, лейб-гвардии Конного полка ротмистр С. Олсуфьев. Е. Олсуфьева — урожденная Екатерина Ивановна Молчанова, фрейлина Екатерины II, смолянка легендарного первого выпуска, награжденная золотой медалью первой величины, она стала одним из культурных символов XVIII в., будучи запечатленной Д. Г. Левицким в качестве аллегории Науки. Отец засвидетельствовавшего документ мужа смолянки А. В. Олсуфьев, статс-секретарь Екатерины II, в 1768 — 1775 гг. был членом Совета Воспитательного общества.

Восприемниками при крещении дочери придворного истопника Ф. Егорова стали А. Л. Нарышкин, женатый на смолянке 2-го приема М. Сенявиной (вып. 1779 г.), и Е. М. Черкасова, тетка Е. А. Пальменбах (ур. Черкасовой), окончившей курс Смольного института в 1779 г. и возглавлявшей его в 1797 — 1802 гг.

Очевидно, вокруг Смольного института формировалась особая среда, благоприятная делу женского образования, поощрявшая воспитание девочек на новых просвещенческих подходах. И. И. Бецкой, заботившийся о созидании «третьего чина народа», составил план Воспитательного дома, открывавшийся словами М. В. Ломоносова: «Стараясь о добре великих нам отрад, / О воспитании печется малых чад: / Дабы, и что в Отчестве оставлено презренно, / Приобрело ему сокровище бесценно; / И чтоб из тяжкого для Общества числа / Воздвигнуть с нравами похвальны ремесла»²⁸. По мысли философа А. Л. Андреева, «правительство, по сути дела, впервые выдвинуло в качестве цели не подготовку известного количества известным образом обученных людей, а достижение определенного *качественного состояния* народной массы». Хотя, по справедливому замечанию ученого, «тогда, в 1780-е годы эти новации во многом остались на уровне принципов»²⁹, труды просветителей по воспитанию «новой породы людей», «умножении полезных обществу жителей» начинали приносить свои плоды.

Возможно, лакей или истопник двора Ее Императорского Величества мог не беспокоиться о хлебе насущном, и его побуждение отдать на учение дочь можно объяснить желанием видеть ее воспитанной барышней, поднявшейся выше своей среды. Однако почти половина детей, поступивших в Мещанское училище в 1785 г., — сироты или полусироты, и основным мотивом для родителей или опекунов, отдававших девочек в Смольный институт, было желание снабдить их кровом и пищей, а в будущем — обеспечить возможность верного заработка.

Историки И. Ф. Плетнева и Т. В. Каленцова приходят к выводу, что институты «осуществляли общеобразовательную и профессиональную подготовку девушек дворянского и мещанских сословий к педагогической деятельности, причем делали это весьма успешно»³⁰. Хотя их утверждение относится уже к первой половине XIX в., в определенной мере оно верно и для конца XVIII в. Известные нам факты противоречат замечанию исследователя Я. Кусбера о том, что «для женщин в конце XVIII в. и речи не могло идти об учительской профессии, которая к тому же не пользовалась особым уважением в обществе»³¹, или Р. Стайтса, полагавшего, что в русских женских институтах не давалось какой бы то ни было значимой подготовки к будущей жизни, «даже в ее простейших проявлениях»³².

По свидетельству современника о воспитанницах Мещанского училища, «некоторые из выпущенных превосходят в знаниях многих из приехавших сюда французенок»³³ (т. е. учительниц и гувернанток, которых нанимали для обучения детей дворянские семьи). Примечательно, что мы встречаем имена воспитанниц уже первых выпусков Мещанского училища среди преподавательниц Смольного института. Это «преподавательницы на клавикордах» А. Симишина (1779 — 1787) и А. Зеленская (1783 — 1815), учительницы французского и русского языков Т. Делусто (с 1783 г.), дочь переводчика Д. Крейпен (с 1795 г.)³⁴, А. Климова (с 1794 г.)³⁵. Делусто преподавала более 10 лет, Климова — 25, Крейпен — 20 лет³⁶.

В изученных нами архивных документах 1785 г. сохранились упоминания об участии трех воспитанниц по выходе из Мещанского училища. Дочь войскового товарища из малороссийских дворян А. Белова была отдана «по согласию» в дом госпожи секунд-майорши Е. Г. Головцыной, помещицы Тихвинского уезда еще в марте 1795 г.³⁷ Причина помещения смолянки, проучившейся вместо двенадцати десять лет, в помещичий дом, остается неизвестной. Возможно, девушку забрала дальняя родственница или свойственница по состоянию здоровья (из «благородной» половины по этим же причинам из приема 1785 г. выбыло две девицы). Может быть, юная смолянка поступила в гувернантки к детям помещицы.

Именно эта судьба ожидала двух других выпускниц Мещанского училища. Дочери коллежского регистратора, Екатерина и Мария Ионины после выпуска отправились в Тверь, где проживала их мать. Девушкам сразу пришлось поступить на службу — в течение семи лет они занимались обучением детей «по разным местам Тверского уезда». Позже старшая сестра уехала в Петербург, где, по всей видимости, нашла более удачное место, тогда как младшая продолжала учить детей «первоначальному чтению и письмоводству» в Тверском уезде. Она вышла замуж, овдовела и продолжила преподавать: учила пятерых детей г-на Давыдова, затем дочь князя М. А. Гагарина, а заболев, нашла приют у местной помещицы, в доме которой и жила до своей смерти в 1840 г.³⁸ (Позже, когда педагогическая служба институток станет массовым явлением, были выработаны законодательные механизмы защиты их прав: институт заключал «кондиции» с нанимателем, в котором оговаривались размер жалованья, стол, «необходимая прислуга, особенно для мытья белья», количество обучаемых детей и пр.).

Современник, заметивший, что «некоторые из выпущенных» из Мещанского училища поступали на службу «соразмерно» с француженками-гувернантками, в то же время утверждает, что другие шли в горничные или «принуждены были возвратиться к бедным своим родственникам, коих род жизни им уже совсем не приличествовал»³⁹. С одной стороны, спрос на труд образованной девушки «низшего» сословия был ограничен, и найти достойное смолянки место службы было не так легко, хотя сестрам Иониным это, судя по всему, вполне удавалось. С другой стороны, институток в екатерининскую эпоху еще не готовили целенаправленно к педагогической стезе, как это произойдет при императрице Марии Федоровне, что также затрудняло вступление на непроторенный путь профессиональной деятельности.

Из камер-фурьерских журналов известно, как устраивали свою жизнь еще несколько выпускниц Мещанского училища. В 1779 г. две «мещанки» в «высочайшем

присутствии» постриглись в монахини (очевидно, в своем Новодевичьем Воскресенском монастыре)⁴⁰, после выпуска 1794 г. выпускницу мещанской половины Смольного института по распоряжению Придворной конторы направили в камер-медхены великой княжны Ольги Павловны, в то время как выпускницу «благородной» половины — в камер-юнгферы⁴¹ (камер-юнгфера — девушка из дворянской фамилии, присутствовавшая при облачении императриц и великих княгинь, камер-медхен — прислужница рангом ниже).

Все большее число дворян стремилось отдать на воспитание дочерей в Смольный институт. Известно, что в 1791 г. провинциальные дворяне привезли в Петербург несколько сотен детей для помещения в Смольный институт на казенный счет. Перед Екатериной II встала задача разрешить это затруднение, не обманув ожидания отцов девочек, которые «служили Отечеству» и надеялись на награду, преодолевая дальнюю дорогу в столицу при своей «крайней нищете». Прием на «благородную» половину был расширен, а из мещанского отделения исключили часть воспитанниц, которых признали «к наукам неспособными», освободив тем самым места для дворянок. Совет Воспитательного общества, провозгласив, что «по опыту зная, что мещанки, принимаемы будучи из низкого состояния людей, по выпуске не приносят предполагаемые пользы обществу», в то время как дворянство не может по крайней бедности воспитать прилично своих дочерей, принял решение принимать в Мещанское училище детей «довольно достаточных мещан и неимущих дворян», которых при приеме в 1793 г. насчитывалось «около половины»⁴².

Таким образом, социальный ценз поступающих в Мещанское училище был повышен. Тенденция, наметившаяся в екатерининские времена, с большей отчетливостью проявилась к концу XVIII в. В прием 1800 г. вакансии в Мещанском училище были распределены следующим образом: 50 билетов для «придворных гоффурийских, камердинерских, метрдотельских, малых офицерских до капитанских чинов, докторских, лекарских и профессорских, прочих же 50 билетов для мещанских детей»⁴³. Императрица Мария Федоровна, утверждая, что «дворянство и мещанство оба имеют одинаковое священное право на благодеяния Монарха, на заботы, которые мы к ним прилагаем, но каждое в своей сфере», в то же время делала оговорку: «Дворянство имеет *первое* (курсив — В. П.) право на благодеяния Государя... сознаюсь, однако, что я упрекала бы себя в ограничении числа мещанских, если бы не имела намерения основать Сиротский институт»⁴⁴. Она предложила уменьшить число воспитанниц на мещанской половине на 50 вакансий, передав их дворянкам, однако в то время император Павел I не поддержал это предложение. Тем не менее постепенно Мещанское училище превращалось в учебное заведение для низшего дворянства и чиновничества⁴⁵. В то же время императрица Мария Федоровна осуществила свое намерение: уже в 1797 г. ею был основан Мариинский институт (первоначальное название — Сиротское училище) для бедных сирот, дочерей мещан, купцов и ремесленников, священников и низшего чиновничества, ставший вторым русским женским институтом.

Проект Екатерины II и ее сподвижников по воспитанию «новой породы» людей, сотворению людей «третьего чина» был чрезвычайно амбициозным, оставаясь замыслом, рассчитанным на далекое будущее. Сознвая это, И. И. Бецкой писал: «Дать народу своему новое воспитание... *есть дело, совокупленное с невероятными трудами*, и прямая оных польза остается *вся потомству* (курсив — В. П.)»⁴⁶.

Тем не менее работа Смольного института по подготовке образованных матерей, учительниц, гувернанток становится очевидной уже с первых его выпусков. Вопреки характерному для традиционного общества предубеждению, постепенно формируется благожелательное отношение к государственной женской школе, к серьезному женскому образованию.

Библиографические ссылки

¹ Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества : Конфирмованное Ея Имп. Величеством 1764 года марта 12 дня. СПб., 1764. С. 1.

² Учреждение особливаго училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре для воспитания малолетних девиц // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVII, № 12. 323. С. 18 — 20.

³ См.: **Лядов В. И.** Исторический очерк столетней жизни Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища. СПб., 1864. 111 с. ; **Распопова Н. Н.** Хроника Смольного монастыря в царствование Екатерины II. СПб., 1864. 116 с. ; **Черепнин Н. П.** Императорское Воспитательное общество благородных девиц : ист. очерк (1764 — 1914). Т. I — III. СПб. ; Пг., 1914 — 1915.

⁴ См.: **Помелов В. Б.** Смольный институт благородных девиц // Начальная школа. 2015. № 2. С. 84 — 89 ; **Вахромеева О. Б.** Новая женщина в старой России : Очерки по истории женского образования : конец XVIII — начало XX в. СПб., 2011. С. 88.

⁵ См.: **Бабаян А. В.** Классное наставничество в Смольном институте (середина XIX в.) // Страницы истории педагогики. Пятигорск, 1997. Вып. 7. С. 12 ; **Миропольская А. В.** Развитие духовно-нравственных традиций воспитания девиц в дореволюционной России // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 7 (111). С. 204 ; **Попова О. Д.** Епархиальные училища в истории России // Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. М., 2011. С. 5.

⁶ См.: **Садовская Я. Р.** Цели создания институтов благородных девиц, как важная ступень на пути к формированию женского образования в России // StudNet. 2020. № 9. С. 1528 ; **Фанталов А. Н., Малязина М. А.** Европейская мода в XVIII в. и учебная форма воспитанниц Смольного института благородных девиц // Художественное образование ребенка: стратегия будущего : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. «Герценовские чтения» : К 30-летию отдела «Российский центр музейной педагогики и детского творчества» Русского музея. (С.-Петербург, 14 февр. 2020 г.). СПб., 2020. С. 194 — 199.

⁷ См.: **Шумигорский Е. С.** Основание Смольного монастыря: Ко дню 150-летия со дня открытия Смольного института // Русская старина. 1914. № 8. С. 269.

⁸ **Лихачева Е. О.** Материалы для истории женского образования в России (1086 — 1796). СПб., 1890. С. 168, 202.

⁹ См.: **Шумигорский Е. С.** Основание Смольного монастыря (ко дню 150-летия со дня открытия Смольного института — 4 августа 1764 г.) // Русская старина. 1914. № 9. С. 338.

¹⁰ Учреждение особливаго училища... С. 18.

¹¹ **Бецкой И. И.** Привилегия и Устав Императорской Академии трех знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с воспитательным при оной Академии училищем. СПб., 1765. С. 15.

¹² См.: **Пономарева В. В.** Закрытые женские институты Российской империи, 1764 — 1855 : Начало формирования отечественной системы женского образования. М., 2019. С. 68 — 69.

¹³ Учреждение особливаго училища... С. 18 — 19.

¹⁴ **Георги И. Г.** Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей онаго. СПб., 1794. Ч. II. С. 393.

¹⁵ См.: **Черепнин Н. П.** Императорское Воспитательное общество благородных девиц : ист. очерк. 1764 — 1914. Петроград, 1915. Т. III. С. 164, 170.

- ¹⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 116. (1796 — 1798 гг.)
- ¹⁷ См.: **Лихачева Е. О.** Материалы для истории женского образования... 1890. С. 164.
- ¹⁸ См.: **Мионов Б. Н.** Жалованье офицеров русской армии в XVIII — начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 46.
- ¹⁹ Журнал камер-фурьерский 1770 г. СПб., 1856. С. 88.
- ²⁰ Журнал бытности в России его королевского высочества принца прусского Генриха, с 1 октября 1770 г. генваря по 26 число 1771 г. СПб., 1857. С. 33 — 34.
- ²¹ Журнал камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный 1772 г. СПб., 1858. С. 63.
- ²² Учреждение особливаго училища... С. 19.
- ²³ Там же. С. 20.
- ²⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 221. (1791 г.).
- ²⁵ ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 451. Далее ссылки в тексте: (Л).
- ²⁶ **Лихачева Е. О.** Материалы для истории женского образования... 1890. С. 158 — 159.
- ²⁷ Там же. С. 160.
- ²⁸ Генерального плана Московского Воспитательного для приносных младенцев Дома, часть III // Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоого пола. СПб., 1774. Т. I. С. 20.
- ²⁹ **Андреев А. Л.** Российское образование: социально-исторические контексты. М., 2008. С. 55.
- ³⁰ **Плетнева И. Ф., Каленцова Т. В.** Подготовка воспитанниц институтов благородных девиц к педагогической деятельности в процессе обучения иностранным языкам (первая половина XIX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 455.
- ³¹ **Кусбер Я.** Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII — первой половины XIX в. : дискурс, законодательство, реальность. М., 2018. С. 289.
- ³² **Стайте Р.** Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860 — 1930. М., 2004. С. 26.
- ³³ **Георги И. Г.** Указ. соч. С. 394.
- ³⁴ См.: Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц, 1764 — 1914 гг. // Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Т. III. С. 423, 426 — 427.
- ³⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 110 об.
- ³⁶ Список имеющим знаки отличия беспорочной службы. СПб., 1832. Ч. IV. С. 198 — 199.
- ³⁷ ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 451. Л. 215 об.
- ³⁸ Там же. Л. 260 — 263.
- ³⁹ **Георги И. Г.** Указ. соч. С. 393 — 394.
- ⁴⁰ См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1779 г. СПб., 1883. С. 506.
- ⁴¹ Там же. С. 70.
- ⁴² **Георги И. Г.** Указ. соч. С. 394.
- ⁴³ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 44. Л. 64.
- ⁴⁴ **Лихачева Е. О.** Материалы для истории женского образования в России (1086 — 1856). СПб., 1899. Ч. 2. С. 9 — 10.
- ⁴⁵ Там же. С. 53.
- ⁴⁶ Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества... С. 1.

Поступила 06.04.2022 г.